

А.И. КРУГОВ, М.В. НЕЧИТАЙЛОВ. ПЕРСИДСКАЯ АРМИЯ В ВОЙНАХ
С РОССИЕЙ. 1796–1828 гг. М.: Фонд “Русские витязи”.
РАТНОЕ ДЕЛО. 2016. 248 с., ил.

© 2018

Н. М. МАМЕДОВА

DOI: 10.7868/S0869190818020243

Отношения между Россией и Ираном насчитывают более пяти столетий. И это относится только к официальным отношениям: связи между народами и государственными образованиями на территориях нынешних Ирана и России можно проследить, по свидетельствам средневековых авторов, еще с начала X в. Общеизвестно, что на формирование взаимоотношений стран большое воздействие оказывает исторический опыт этих отношений. И они были разными – от тесных политических и экономических связей до войн. Обращение к исследованию событий прошлого представляет интерес не только с научной точки зрения, но и для формирования внешнеполитической стратегии каждого из государств. Особенно это важно для Ирана, в менталитете населения которого сильно историческая память, особенно в связи с поражениями иранской армии в военных столкновениях с русскими войсками.

“Болевой точкой” для Ирана в истории российско-иранских отношений является период первой и второй русско-персидских войн. Именно этому периоду посвящена рецензируемая работа А.И. Кругова и М.В. Нечитайлова “Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.”. Этот период был чрезвычайно важен для России, так как именно тогда она значительно укрепила свои позиции на Черном море и в Закавказье. Персидский поход Петра I не решил всех проблем, связанных с обеспечением безопасных путей к Каспию, с противодействием экспансии Османской империи прикаспийских земель, земель христианских народов Северного и Южного Кавказа. Россия в конце XVIII – начале XIX в. вела войны не только с Ираном, но и с Османской империей, а также с армией Наполеона.

Войны с Ираном и Турцией нельзя рассматривать лишь как локальные, поскольку они были тесно связаны с поддержкой Ирана и Турции рядом европейских стран, которые считались союзниками России в борьбе с Наполеоном. Накануне нашествия Наполеона Россия выиграла войну с Османской империей, армия которой была оснащена европейским вооружением, пользовалась услугами военных советников Англии, Франции, Австрии. Окончательный переход Грузии к России и дальнейшее продвижение России на Кавказ встречало сопротивление не только Турции и Ирана, также претендовавших на контроль над закавказскими землями, но и европейских стран. Англо-иранский военный союз был заключен в 1801 г., когда почти вся Грузия присоединилась к России, и вскоре произошли войны России с Турцией (1806–1812) и с Персией (1804–1813).

Именно из-за Грузии началась война Ирана с Россией в 1804 г., когда иранская армия вторглась на территорию Грузии, используя вооружение, поставляемое англичанами (через Ост-Индскую компанию), несмотря на протесты Александра I. В 1807 г. в геополитическую игру на Востоке вступила Франция, заключившая союзный договор с Персией, по которому признавало право последней на Грузию. К началу 1812 г. русские войска смогли отразить наступление персидских войск, но из-за нашествия Наполеона войну пришлось вести на два фронта. Русские войска не были отозваны из Ирана и уже в 1813 г. приближались к Тегерану. В октябре 1813 г. был заключен Гюлистанский договор, по которому Иран навечно признавал за Россией Дагестан, Грузию и ханства нынешнего Азербайджана (более 80%) и Армении (около 20%).

Новая, или вторая, русско-персидская война была начата Персией за возвращение части земель, отошедших России по этому договору, при этом иранское духовенство объявило эту войну священным джихадом. Но она закончилась полным поражением персидской армии. Подписанный Туркманчайский договор окончательно закрепил границу между Ираном и Россией в том виде, в каком она существовала до распада СССР. До сих пор выражение “вай, вай, Туркманчай” означает для иранцев любую неудачу, настолько это поражение иранской армии (которое для России обернулось убийством в Тегеране ее полномочного посла А.С. Грибоедова) сохранилось в исторической памяти иранского народа.

Работа А.И. Кругова и М.В. Нечитайлова посвящена не истории войн, а армии, ее составу и оснащению. На основе архивных источников и многочисленных работ зарубежных и отечественных авторов представлена широкая картина потенциала армии конца XVIII – начала XX в. Тем не менее эта работа дает представление и об истории отношений России и Ирана, о процессах, которые происходили в самом Иране, в том числе о взаимоотношениях центральной власти с национальными окраинами, об экономическом потенциале страны. Армия всегда играла огромную роль в жизни стран Востока, благодаря завоеваниям Персия представляла собой могущественное государство в прошлом. И именно успехи или поражения армии являлись достаточно точным отражением политического и экономического потенциала страны. Как поражения османской армии заставили власти Османской империи начать преобразования по европейскому образцу, так и поражение армии Аббас-мирзы в русско-персидских войнах стало стимулом для начала реформ по европейскому образцу, прежде всего в области модернизации армии – вооружения, экипировки, обучения солдат и т.п.

Авторы книги, давая ссылки на работы свидетелей состояния персидской армии, убедительно показывают ее отсталость по сравнению с европейскими стандартами того времени. Очень интересны приводимые выдержки из воспоминаний Г.А. Оливье, который в 1796 г. несколько месяцев провел при дворе Ага Мохаммед-хана, ставшего первым шахом из рода Каджаров. Оливье пишет, что в мирное время фактически армия распускается, а в военное время она распускается с приходом зимы. Тем не менее она может быть собрана в самый короткий срок. По словам Оливье, главным оружием персов являлись стрелы, булавы, кинжалы, сабли. Огнестрельное оружие использовалось редко. Но с этим вооружением Ага Мохаммед-хан быстро дошел до Тифлиса, который был разграблен и разрушен. После захвата Хорасана новый шах вновь пошел с войной на Грузию и закавказские ханства, но был убит всего через год после коронации в результате заговора во время осады Шуши. Наследнику престола – племяннику основателя династии Фетх-Али-шаху – удалось остаться на троне, используя военную силу.

Даже приводимая авторами структура армии отражает раздробленность страны и слабость центральной власти. В работе показано, что армия представляла собой в этот период главным образом конные войска племен и постоянные формирования в виде шахской гвардии и артиллерии. Но и в гвардии шаха также была конница, которую поставляли племена. Пехотные войска набирались из оседлого населения, значительную часть этого рода войск составляли стрелки из огнестрельного оружия, или “туфангчи”. Из приводимого перечня численности различных видов войск, характеристики их этнического состава, их одежды и оружия очевидна значимость племен в формировании войск. Становится понятной зависимость шаха от поддержки племен, от необходимости вести войны не только из-за сохранения или расширения государственных земель, но и из-за добычи, которую получало войско в результате грабежей, восполняя недостаток жалования. Именно племенные соединения использовали, как правило, традиционные виды вооружения.

Пехота к началу XIX в. почти не имела артиллерии, она состояла в основном из так называемых *замбуреков*, т.е. фальконетов, которые укреплялись на спинах верблюдов и не могли оказывать серьезное сопротивление русской артиллерии. Приводимые в книге описания и фотографии персидских воинов, их снаряжения убедительно подводят к выводу об объективной необходимости реформирования армии. В персидской армии не было лазаретов, не было организовано снабжение питанием. В книге приводится несколько красноречивых свидетельств последствий походов, которые “для собственной страны оказывались пагубнее вражеского войска” (с. 160). В 1805 г. Фетх-Али-шах даже освободил от налогов те деревни, через которые прошла армия.

Поскольку период военных реформ Аббас-мирзы, наследника престола и главнокомандующего персидской армии, достаточно полно освещен в работах и российских, и иранских авторов, А.И. Кругов и М.В. Нечитайлов в последней главе “Военные реформы: итоги и результаты” обращают внимание на те аспекты состояния армии, которые до этого не учитывались в научных исследованиях при анализе результатов реформ Аббас-мирзы. Это прежде всего психологические аспекты, которые отмечали очевидцы. Авторы приводят высказывания современников о личных качествах персидских солдат: выносливы, трезвы, могут и верхом на лошадях, и пешком преодолевать большие расстояния, умеренны в еде и т.п., что позволяет понять, почему персидские войска могли быстро и внезапно подходить к местам расположения русских войск, вторгаться в кавказские ханства, склоняющиеся в сторону покровительства России. С этой точки зрения интересны воспоминания о зимнем марше армии Аббас-мирзы, в которых говорится о том, что войска, включая две тысячи пехотинцев, “спали на снегу, в день проходили не меньше

20 миль и питались одним хлебом” (с. 177). В примечаниях, которые сами по себе очень информативны и тщательно отобраны, приведены аналогичные характеристики А.П. Ермолова.

Нельзя не согласиться с авторами, что Аббас-мирза мог “одеть прилично” свои войска, построить арсеналы, но не смог сделать армию, по существу, европеизированной. Она оставалась жестко иерархично устроенной, неорганизованной и недисциплинированной. Офицерский состав не получал должного образования, не был разработан даже военный устав (с. 178), который приняли только в результате реформ Таги-хана, уже при Насреддин-шахе. Присутствие в персидской армии более тысячи русских дезертиров или взятых в плен, о чем пишут авторы книги, хоть и повышало боеспособность армии, кардинально не изменило ситуации. Но наличие русского элемента в персидской армии, даже создание “Русского батальона” в 1820-х гг., возможно, стало одной из причин создания в конце XIX в. Персидской казачьей бригады под русским командованием.

Давая характеристику персидской армии, ее численности и особенностям организации в разных частях иранского государства, авторы смогли одновременно нарисовать очень сложную картину взаимоотношений между шахом, наследным принцем и главнокомандующим армией Аббас-мирзой и местными правителями, которые были обязаны поставлять солдат. При этом оказался затронутым очень актуальный вопрос об отношениях не только местных правителей (беков, ханов и т.п.) к шаху, но и к русским войскам и к возможностям перейти под покровительство России, как это сделала к этому времени почти вся Грузия. Взаимоотношения с Россией тоже были сложными, иногда противоречивыми, позиции закавказских образований менялись в зависимости от взаимоотношений их правителей, от позиций даже внутри одной семьи.

В этом отношении показательна глава “Армия Эриванского ханства”, в которой для историка интересна именно эволюция взаимоотношений всех действующих лиц. В период раздробленности после ухода с исторической сцены династии Сефевидов, углубленной борьбы за шахский престол в конце XVIII в., борьбы с Османской империей за право контроля над Кавказом большинство из кавказских государственных образований формально не входили в состав иранского государства, но Иран считал по-другому, апеллируя к прошлому. Чтобы удержать Эриванское ханство в орбите своего влияния, шах делегировал сардару, как правителю Эривани, все полномочия, которые давались принцам. Более того, он не требовал даже налогов, а, наоборот, давал суммы для содержания войск. Взамен Сардар Эривани должен был противостоять русским войскам. При осаде русскими Эривани были выселены многие армянские семьи, основной расчет персы делали на использование курдской конницы. Но и курды нередко поддерживали разные стороны. В 1808 г. они заявили сардару Эривани, что поддержат того, “кто будет победителем” (с. 137). Так как зависимость племен от центральной власти была относительной, многие племена отказывались нести военную повинность. Именно поэтому шах и Аббас-мирза были заинтересованы в использовании военной силы Закавказья.

В наши дни среди историков постсоветских стран стала преобладать концепция насильственного включения народов Кавказа в состав России. Безусловно, это также имело место, население некоторых ханств нынешнего Азербайджана выступило на стороне персов, но в значительной мере из-за призыва духовенства. Основная масса населения Кавказа предпочла опеку России, нежели попытки все более отстающих в развитии Турции и Ирана подчинить своему влиянию этот регион. Поэтому нельзя не согласиться с очень актуальным и подкрепленным материалами работы выводом авторов, что население Кавказа в целом поддержало Россию, что помимо боеспособности российской армии “стало одной из главных причин победы России в войнах с Ираном”.

Для историков, безусловно, большой интерес представляют приложения к работе, многочисленные фотографии и рисунки.

Монография А.И. Кругова и М.В. Нечитайлова будет интересна не только специалистам по военной истории, но и всем интересующимся вопросами истории и материальной культуры. Несомненно, что она пробудит интерес среди иранистов к изучению малоисследованных страниц прошлого, которые позволяют полнее воссоздать картину российско-иранских взаимоотношений, распутать сложные узлы этих отношений, расставить объективные оценки в определении национальных интересов в каждый конкретный период истории и в исторической перспективе.